

растения, в связанных с ним лекарственных и ворожейных силах (С. настаивает, что «Травник» — не собрание знахарских знаний, а знания души): «Живи, ключ-трава, снег ломай! / Твой цвет мимолетен, как май. / Опадчив, как легкие шали, / И полон девичьей печали» («Первоцвет»); «На глухом болоте взрос / Чертопалочник, рогоз. / Над водой початок вздел / Темно-бархатен и смел. / Слышу, слышу — к непогоде / Тот рогоз рыдает вроде...» («Зелье утопленницы»).

Нравственные уроки сказываются в «Травнике» лирические непосредственно: «Растолкав собой кусты, / Навздымались у тропки / Темно-рдяные персты / Кровохлебки. / Потаенки, повитухи... / Ни к чему тебе и глаз / Кровоцветка, бабий спас! <...> Ты — лесной царицы зелье, / Красноцвет, улырница. <...> Коля забуглен нерожденный, / Все равно аукнется» («Кровохлебка»).

В состав книги вошло оригинальное «Троезелье» — попытка реконструкции дохристианского славянского солнечного календаря «Двенадцати Пятниц» и связанных с ними зелий. Интерес к древнеславянскому календарю неслучаен, так как и в нем жизнь человека и рода символически объединялись с круговоротом природной жизни. Отталкиваясь от археологических, исторических и этнографических исследований, поэт как бы продолжает их, поверяя худож. интуицией: «я „вспомнила“ информацию тысячелетней давности» (С. приводит в письмо автору статьи отзыв историка Б. А. Рыбакова: «То, что я исследую годами, она познает интуицией мгновенно и выражает через поэзию»): «Я медвежьи травы зелья / В сноп свяжу / Тесьмою рдяной», «Троезелье, зелье-мед, / Иль трава — продолжи род!», «Девоцветник! Неувяда! / Сколько мне осталось жить? / <...> Я ли, нет ли — ворожу? / Чару тыщи лет держу...»

В «Травнике» оригинально отзываются и образы древнерусской словесности: «Темный бор я пройду плавным сободем, / А реку проскочу я — плотвицею, / Прочеркнушь росахой я по полю, / Сквозь забор пронизуясь я кунницею, / Пред тобою предстану — девицею, / На скамейку присяду вздыхая, / „Диамат“ мракобесный листая...»

Третья часть трехкнижия, цикл «Невидимое — вижу» (опубликованы пока фрагменты, в частности, в книге «Ягодное царство»), должен дать авторское видение аномальных явлений и миров.

В 1999–2002 выходят небольшие поэтические книги («венцы стихов») С. «Призрак розы», «Анемоны», «Лунная ящерка», «Жемчужная душа», «Волчьи ягоды»,

обнаруживающие новые аспекты творческих интересов поэта. В них С. создает опыты «ролевой» лирики (цикл «Танец персиянки»), ее любимые травы и цветы вплетены теперь в другие узоры — литературно-культурологические — навеянные образами Серебряного века (блоковскими, есенинскими, врубелевскими): «Здесь мальвы жар — не сплю и вся горю. / Далекое — мне высветилось очень! Вглядись: / Ты видишь между этих строк, / Как проступает легкой мальвы шелк...» Новые стихи публикуются в центральной прессе: «Лит. газ.», «Лит. России», ж. «Смена» и др.

С. — автор более 30 поэтических книг. Много лет участвует в творческой писательской жизни Москвы, в составе писательских групп выезжала в Приднестровье (1991) и в Чечню (2000, по этим впечатлениям создан поэтический цикл «Кавказский венец»). Первый лауреат Всероссийской Есенинской премии.

Соч.: Ягодиночка. М., 1976; Село Сорвижи. М., 1982; Марья — зажги снега. Месяцеслов. М., 1982; Дева Льяница. М., 1991; 1992; Травник. М., 1992; Призрак розы. М., 1999; Анемоны. М., 1999; Лунная ящерка. М., 2000; Жемчужная душа. М., 2001; Волчьи ягоды. М., 2002.

Лит.: Абрамович А. «Я посреди своей деревни...» // Лит. Россия. 1977. № 36; Дардыкина Н. «Слепа без цели сила» // Правда. 1981. № 3(276); Редькин П. Теплое поле // Москва. 1984. № 8. С. 199–200; Трофимова Е. И. Советская женщина 80-х годов: автопортрет в поэзии // Вопр. лит.-ры. 1994. № 2. С. 39–43; Коробов В. «Я многое сейчас понять не в силах...» // Бежин луг. 1994. Февр. С. 59–60; Дмитриева Н. И. «И вся ее душа — в колоколах...» // Русь васнецовская. М., 1994. С. 38–42.

К. И. Шарафадина

СМИРНОВ Виктор Петрович [10.3.1942, д. Кислевка Починковского р-на Смоленской обл.] — поэт.

Отец — учитель, потомок священников — убит оккупантами в 1941. Мать крестьянка. Дом сгорел, и чтобы купить новый, продали корову. С. были самыми нищими в деревне, их материально поддерживала школа. Старшие дети первоначально учили младшего Виктора. До школы он умел читать, писать, знал наизусть много стихов (Некрасов, Пушкин, Кольцов, Никитин и др.). С 6-го класса сам их писал. Первая публикация в смоленской областной газ. «Рабочий путь» 20 марта 1960.

После десятилетки С. был литсотрудником районной газ. (печатал статьи, очерки,



В. П. Смирнов

фельетоны, стихи), служил в армии; первую столичную публикацию в ж. «Советский воин» (1962) ему обеспечил Н. И. Рыленков. В 1965–70 учился в Лит. ин-те; с предисл. руководителя творческого семинара С. С. Наровчатова вышла первая книга стихов С. «Русское поле» (М., 1971). Огромное впечатление оставило знакомство в редакции «Нового мира» с земляком (из одного района) А. Т. Твардовским, которому впоследствии был посвящен цикл «Сокол» (третья книга стихов «Прялка матери». М., 1980).

Окончив ин-т, С. вернулся на Смоленщину, где в 1994 возглавил областную писательскую организацию. Любимый его поэт — Есенин. На С. оказали влияние также прозаики-«деревенщики», с некоторыми из них он тесно сдружился. Главная его тема — смоленская деревня. С. пытается в ее судьбе увидеть судьбу России. Смоленские композиторы написали на его стихи несколько песен, самой удачной из которых автор считает «Отними у меня Россию...» (музыка Н. Писаренко). Ее текст «Просыпаюсь. Заря за дверью...» с варьируемым рефреном «Отними у меня деревню / Что останется от меня?» (далее на месте «деревни» — «гармошку» и «Россию») открывает как пролог книгу «Крыльцо» (Смоленск, 1990. С. 3). Тональность стихов преимущественно минорная, но мотив единства человека с природой, человека и его родных мест вносит в них оптимистическую ноту. Образ деревенской дороги с босым пешеходом лирическим героем («Прялка матери»

«Что я скажу зеленому приборю...», «Дорога») призван служить символом жизненного пути. Автор обращается к дороге как к сверхъестественному существу: «Если дышишь мудростью древней, / То исполни желанье мое: / Чтоб меня хоронила деревня, / А не я хоронил ее» (Прялка матери. С. 50).

«Отцов и дедов щедрая земля» (Там же. С. 7) напоминает и о будущем конце жизни, и о ее трудном начале: «Четыре рта. А мать одна. / Отцом война не подавилась» (Там же. С. 13). В этом стих. говорится о том, что матери некогда было ласкать детей, и теперь она ласкает трехлетнюю внучку. Раздел «Я к матери иду...» в книге «Крыльцо» начинается стих. без образа матери, но с образом природы-деревни-родины: рефрен «Не минуй моего крыльца, / Не минуй моего порога» сопровождается обращениями «цветов золотая пыльца», «бегущая лугом дорога», «заря», «звезда», «туман» (Крыльцо. С. 4). Другие разделы сб. «Не плачь, любимая» (хотя любовная тематика у С. не является преобладающей) и «Одуванчик света», перенесенный из предыдущей книги «Трава под снегом» (М., 1989), сравнительно объемистой среди книг автора: в ней 180 стих., в основном о природе и сельских проблемах, но не имеющих заглавий, которые вносят в лирику однозначную определенность; исключений только 9: «Попугай», «Охотник», «Одуванчик света», «При свете рябины», «Земная колокольня», «Без аиста...», «Ветка молнии» (мотив природного света явно выделен), «Человек», «Читая В. Пикуля». Последнее стих. представляет грустную миссию исторического романиста, словно оживляющего мертвых. «Человек» ни в коей мере не напоминает одноименную патетическую поэму М. Горького; его герой бездомный скиталец вроде юродивого, который воспринимает все как есть, нереплексивно («Он говорит о снеге: это снег. / Он говорит о жажде, чуя жажду...»), а потому исключительно правдив в отличие от других: «...в нем родился человек, / Какого мы в себе похоронили...» (Трава под снегом. С. 172).

С. ценит наблюдательность и иногда проявляет ее в своих стихах: «Ты в земные чудеса не верила. / Зорко на небесные смотри: / Вырастает облако, что дерево, / С крупным ярким яблоком внутри» (Там же. С. 152), «...Громидного, как вечность, муравья / Легко сдуваю со своей ладони...», «Не оторвать седого взгляда / От красных и зеленых ос» (Стезя // Молодая гвардия. 1990. № 3. С. 13, 15).

Заметные герои лирики С.— русские поэты и прозаики. В «Прялке матери» третий

раздел «Земной поклон» (после «Березовика» и «Богини, пахнувшей сеном») включает стих. «Пушкин», «Тень Тютчева», «Лев Толстой», «Ближе всех мне, конечно, Есенин...», «В лесу весеннем тетерев токует...» об И. С. Тургеневе, «Росток» об И. А. Бунине, которому «с Родиной в разлуке» «виделась так четко под Парижем / Орловская невзрачная изба» (Прялка матери. С. 115), цикл о Твардовском; в «Крыльце» этот цикл повторен с добавлением двух текстов, заключающих же книгу более пространный цикл «Поклон Пушкину» с рискованным сопоставлением в первом стих. «Опять гляжу на Пушкину Наталью...», в начале которого автору «кажется: с небес она сошла», зато в финале «этой красотой я только ранен, / А Пушкин ею вовсе был убит!» (Там же. С. 119). Встречаются осознанные или неосознанные переключки с разными поэтами. «Когда влюблен я, бог тогда во мне...» («Трава под снегом») ориентировано на лермонтовское «Когда волнуется желтеющая нива...», а в «Ветке молнии» лирический герой, подобно Мцыри, который «рукою молнию ловил», заявляет: «Чтобы устоять в грозу любую, / Я за ветку молнии держусь!» (Там же. С. 152). «Я умру на веселом рассвете...» — возможная вариация на тему стих. Н. М. Рубцова «Я умру в крещенские морозы...»; финал здесь напоминает также Есенина: «Станешь ты сразу строже и старше, / Но, коль птицы успели пролететь, / Знай, любимая: вовсе не страшно / В самых первых лучах умереть...» (Крыльцо. С. 62).

Тема смерти наряду с опытами метафизической проблематики усиливается на рубеже 1990-х. Лирический герой пытается заглянуть в запредельное и констатирует пронцаемость того мира: «...и в просторах смерти / Можно жизни отыскать следы. <...> Не гуляй по травам там порою / Здесь давно бы не было меня...» («О жестоком говорить не смейте!..») или начало другого: «Меж любовью и смертью лишь льдина плывет...» (Крыльцо. С. 83, 61). Наряду с этим появляется своего рода богоборческая тема, связанная с социальной: «Взгляни, о Господи, коли не лень, / Своими родниковыми глазами, / Как душу распинают каждый день / Тяжелыми библейскими гвоздями. / Как можешь ты, весь мир в руке держа, / Молчать, на землю горькую взирая, / Когда кричит и корчится душа, / С тоской великой к небесам зывая?» (Стезя. С. 12). Ранее к небожителям практически приравнивался вызывавший восхищение поэт-земляк: «Жил Твардовский какой-то частью, / Прямо скажем, на небесах. / Дове-

лось мне какое счастье! / Отразиться в его глазах» (Прялка матери. С. 122). Стих. С. обычно коротки, нередко в одно-два четверостишия: «Жизнь прошла деревенской страдою: / Жаркой, пыльной, полевой. / На работу ушла молодою, / А вернулась старухой домой...» (Крыльцо. С. 110). Формальный эксперимент С. чужд, из неклассических форм стиха употребителен только дольник.

С 1995 по 2002 С. удостоен нескольких лит. премий. Наиболее крупная публикация С. этих лет — в сб. трех авторов «Поэтический Олимп» (М., 1999).

Соч.: Русское поле. М., 1971; Громова криница. М., 1975; Прялка матери. М., 1980; Осинный огонь. М., 1982; Берег бытия. М., 1983; Земная колокольня. М., 1986; Ночная птица. М., 1986; Крыльцо. Смоленск, 1990; Языческая пляска. М., 1992; В гостях у жизни. М., 2004; Ветка выюги / предисл. В. Бокова. М., 2005.

Лит.: Боков В. Он пришел из деревни... // Лит. Россия. 1992. 20 марта; Дорогань О. «Жизнь на земле и есть разлука с Богом...» // Российский писатель. 2002. Окт.

С. И. Кормилов

СМИРНОВ Владимир Александрович [30.9.1937, пос. Териберка Мурманской обл.— 28.11.1995, Мурманск] — поэт, переводчик, публицист.

Сын легендарного командира партизанского отряда «Большевик Заполярья» (одного из двух, действовавших на Кольском Севе-



В. А. Смирнов